

СЕРГЕЙ РОМАШКО

Оружие завтрашнего дня / 2

I

Если история начинается в Шумере, то Европа (в культурно-историческом смысле) начинается у стен Трои. Начинается с войны, причем не простой, а (по тем временам) глобальной и принципиальной. Как обычно, один из моментов, предваряющих кульминацию повествования — ночь перед решающей битвой. И чем же заполнена эта ночь? В эту ночь куется оружие для Ахилла, оставшегося без доспехов после того как Патрокл, отправившийся на поле битвы в его облачении, был убит, а доспехами завладел Гектор. Мать Ахилла, Фетида, спешит к богу-кузнецу Гефесту, чтобы тот изготовил для ее сына новые доспехи. Ахиллу она наказывает:

*Но и ты, мой сын, не вступай в боевую тревогу,
Снова пока не приду я и сам ты меня не увидишь:
Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюся
И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста.*

(XVIII, 134–137, пер. Н.И.Гнедича)

Здесь, собственно, и решается военная судьба троянской войны: Ахилл выйдет на сражение с *оружием завтрашнего дня*, тогда как у Гектора будет оружие *вчерашнее*, пусть даже великолепное. Поэтому шансов на победу у Гектора нет.

II

Важно, что оружие завтрашнего дня оказывает свое ошеломляющее воздействие еще до того, как вступает в дело. Так и доспехи Ахилла, принесенные ему Фетидой, поражают его соратников одним своим видом:

*Вздрыгнули все мифидонцы; не мог ни один на доспехи
Прямо смотреть, отвернулись они...*

(XIX, 14–15)

Оружие завтрашнего дня побеждает не столько непосредственным применением, сколько фактом своего наличия. Его действие подобно электромагнитным волнам, радиации: оно неотвратимо, как законы естествознания, и не имеет пределов распространения, проходя сквозь все преграды. Поэтому, собственно, современное оружие, подпадающее под определение оружия массового поражения, и представляет собой квинтэссенцию оружия завтрашнего дня.

III

Зарождение подлинно европейской (или, если угодно, западной) стратегии в «Илиаде» очень четко обозначено структурой повествования: выход на кульминацию сюжета происходит через сцену изготовления оружия. И Гефест не просто традиционный кузнец-чудодей, но уже технолог: когда Фетида приходит в его жилище, он занят изготовлением, выражаясь современным языком, серии автоматических самодвижущихся устройств. И само знакомое нам слово *automatoí* уже здесь присутствует, и сами изделия — не ковры-самолеты, а именно технические устройства с колесиками и т.п. (поэт в этих описаниях на удивление точен: он указывает и материал, и основные технические особенности изделий Гефеста).

Здесь первый европейский эпос принципиально расходится с эпосом индийским. «Бхагават-гита» также повествует о войне, готовящемся вступить в битву, но там проблемы совершенно иные. Если Ахилл растерянно заявляет, что без подходящего вооружения он не может вмешаться в схватку, то индийского героя интересуют перед битвой вещи совершенно иного порядка: внутренние основы его действий, его дхарма как представителя воинского сословия. В результате наставление Арджуны Кришной превращается в философскую поэму о силе духа. В «Илиаде» же на этом месте — прекрасное описание щита Ахилла. Технология позволяет не принимать во внимание внутреннее состояние воюющего. Автоматизм действий не предполагает не только общих моральных качеств, но и позволяет свести до минимума многие элементы знаний и навыков. Для того чтобы сбить самолет с помощью «стингера», не нужно практически никаких знаний: достаточно только знать, что такое самолет, и куда нажимать, когда он подлетает.

IV

В истории военного дела не раз случалось, что новое, неожиданное вооружение, новый способ ведения боевых действий давал решающее преимущество над противником. Бронзовый, а затем стальной клинок, боевые колесницы, стенобитные орудия, нарезная винтовка, пулемет — а еще можно добавить фалангу Македонского, фланговые атаки конницы, новоевропейские пехотные порядки и проч. Но все это были победы *сегодняшнего* оружия над оружием *вчера*шним. Теперь же речь идет о совершенно другом: определяющим оказывается именно оружие *завтрашнее*.

V

Настоящее оружие завтрашнего дня появляется в XX веке. Первым вариантом такого оружия стало химическое оружие, или, как его тогда чаще всего называли, газ. В 20-е годы и военные, и общественность жили в ожидании химической войны. Газовые атаки Первой мировой войны повсеместно рассматривались не как действительное применение этого оружия, а как своего рода испытание в боевых условиях (так же как позднее ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки считались скорее испытанием ядерного оружия, в чем и обвиняли США). Предполагалось, что «настоящая» газовая война впереди, что она, в отличие от отдельных атак Первой мировой, будет носить полномасштабный, глобальный характер, что газ будут распылять на большие площади с самолетов. Именно это сочетание двух новых ветвей оружия — авиации и отравляющих веществ — определяло картину грядущей войны в то время (вошедшую в литературу и искусство, ср. хотя бы футурологическую поэзию Маяковского 20-х годов). Для двух родов войск дальнейшая судьба оказалась различной. Если авиация, получив дополнительный толчок от несбывшейся химической войны, ушла затем в область реального оружия (заметим, что газ был отличным катализатором развития авиации, поскольку первоначально именно мощь химического оружия при его относительно малом весе делали авиацию столь важным родом войск, ведь о возможности массированных конвенциональных бомбардировок тогда еще думали мало), то газ реальным оружием — определяющим ход боевых действий — так и не стал.

VI

Очерк Вальтера Беньямина «Оружие завтрашнего дня» (1925) прекрасно отражает обычное для того времени ожидание полномасштабной химической войны. При этом нарисованная им картина грядущих ужасов вполне соответствует общим чертам, характеризующим оружие завтрашнего дня как таковое.

Грядущая война будет войной с призрачным фронтом. Таким фронтом, который будет таинственно возникать то над одной, то над другой столицей, проникая в ее улицы и доходя до каждой двери. К тому же эта война, газовая война с воздуха, будет поистине «захватывающей дух» опасностью в незнакомом до того смысле этого выражения. (...) Против газовой атаки с воздуха не существует достаточно надежной защиты. Даже средства личной защиты, противогазы, чаще всего оказываются бесполезными. Темп грядущих боевых действий будет, соответственно, определяться стремлением не столько защитить себя, сколько превзойти причиненные противником ужасы ужасами десятикратно их превосходящими... конечная цель атак воздушных эскадр — сломить волю противника к сопротивлению (IV, 473).

Беньямин, как и его современники, захвачен картиной предстоящих химических сражений. Уверенность, что будущая война окажется именно такой, составляет главную силу оружия завтрашнего дня. Точно так же это оружие неотвратимо с неотвратимостью законов мироздания, поскольку основано на объективных свойствах вещей и людей. Наконец, хотя газ как оружие завтрашнего дня обладает страшной поражающей силой, основная его

составляющая все же скорее психическая, а не собственно химическая: это прежде всего оружие страха, ожидания катастрофы.

Химической войны ждали, химической войны боялись, к химической войне усиленно готовились. Но она так и не началась. Вальтер Бенджамин предупреждал против отговорок, согласно которым такая война невозможна «вообще». Но он ошибся. Она действительно оказалась невозможной. Запасы отравляющих веществ стали превращаться в опасный хлам. Оружие завтрашнего дня не может быть постоянным, потому что человеческая психика, на которую оно опирается, не выдерживает постоянной мобилизованности. Оружие завтрашнего дня устаревает, оно нуждается в замене. Когда уже стало ясно, что химической войны не будет, в дело было готово вступить новое оружие завтрашнего дня — ядерное.

VII

Ситуация с ядерным оружием оказалась сходной с историей химического оружия. Наступления ядерной войны ожидали, и литература и искусство рисовали картины конца света. Уверенность в ее близости временами принимала формы массового психоза (особенно на рубеже 50-х и 60-х годов: когда в космос полетел Гагарин, люди в Советском Союзе замерли от страха, они приняли перерыв радиопередач для срочного сообщения за начало войны). Однако со временем и ядерное оружие стало ослаблять свой психический пресс. Слишком долго оружие завтрашнего дня существовать не может. К тому же техника обгоняет его. Угроза нового завтрашнего оружия — СОИ — оказалась более успешной в противостоянии холодной войны (как вообще войны, которая в большом масштабе велась именно как война завтрашним оружием), чем гонка ядерного вооружения. Богатым странам по крайней мере огневая мощь атомной бомбы уже не нужна (бомбардировки последних войн — на Балканах, в Афганистане и Ираке — были мощнее Хиросимы, и никакие ядерные заряды для этого не понадобились). Ядерное оружие начинает превращаться в оружие для бедных, для тех, кто не может позволить себе тысячи крылатых ракет и мощных новейших бомб (графитных, вакуумных, с урановой оболочкой и др.). Оно уже перестает быть оружием завтрашнего дня для стран-лидеров, ведущих «настоящую», «правильную», «большую» войну. Как и химическое оружие, ядерное оружие начинает смещаться в поле террора: именно отсюда опасаются химических, биологических и ядерных атак (по первым двум видам оружия массового поражения попытки применения были, об опасности попадания ядерных материалов в руки террористов в наше время речь идет постоянно). Оказавшись оружием вчерашним, оружие завтрашнего дня становится серьезной проблемой для всех, как затопленные в Балтийском море транспорты Второй мировой с химическими зарядами (самый большой вред химическое оружие может принести именно сейчас, став вчерашним). Подлинным оружием завтрашнего дня в «большой», «настоящей» войне во все возрастающей — причем возрастающей стремительно — мере становятся деньги, очень большие деньги.

VIII

Оружие завтрашнего дня не должно, таким образом, превращаться, подобно военным новинкам прошлого, в оружие сегодняшнее, скорее его путь — превращение в оружие вчерашнее, как это произошло с химическим оружием. Стратегической задачей становится вообще избегание втягивания в сегодняшнюю войну, как наиболее тяжелую и непонятную по своему исходу. В этом смысле не случайно проигравшие во Второй мировой войне не смогли, несмотря на все попытки, вроде разных вариантов немецкого чудо-оружия, завладеть настоящим оружием завтрашнего дня. В то же время современные информационные технологии позволяют имитировать использование оружия завтрашнего дня. Так, последняя война в Афганистане была представлена как победа высокоточного оружия и в этом смысле она может считаться примером применения оружия завтрашнего дня сегодня. Однако реальный ход боевых действий был совершенно иным. В упрощенном виде его можно кратко представить так: Россия поставила необходимое оружие (заметим: советское, и тем самым совершенно вчерашнее) Северному альянсу, который и разгромил — при американской поддержке с воздуха — основную группировку талибана. После того как Северный альянс перестал существовать, американцы оказались неспособны добиться каких-либо дальнейших существенных успехов, и в настоящее время ситуация в Афганистане представляется крайне неопределенной и во всяком случае достаточно далекой от обещанной по всем параметрам. Сходным является соотношение реальной и представленной в СМИ картины боевых действий в Ираке.

IX

Современное состояние — состояние, когда нет однозначного указания на то, что является оружием завтрашнего дня, в отличие от ситуации 20-х годов (химическое оружие) или второй половины XX века (ядерное оружие). Существует масса проектов, реализуемых и вряд ли реализуемых, и конъюнктура оружия завтрашнего дня так же сложна и капризна, как современная биржевая конъюнктура, определяемая множеством параметров и не в последнюю очередь — особенностями человеческой психики. Большая стратегия, представляющая собой площадку для разработки и «применения» (то есть на самом деле — неприменения) оружия завтрашнего дня, превращается в биржу. Современное освещение боевых конфликтов не случайно оказывается очень похожим на биржевые сводки и репортажи: при множестве постоянно поставляемых технических данных во всех деталях ни общая картина, ни тем более ее принципиальная основа не раскрываются. Публику держат в состоянии постоянного психоза-ожидания, словно футбольного болельщика, напряженно следящего за перемещениями мяча и игроков по полю. Как и на бирже, игра ведется не за реальные вещи, а за фьючерсы: продается будущее, которого на самом деле никто не знает. Выигрывает (по крайней мере на данный момент) не тот, кто знает, а тот, кто продаст.

Х

Фьючерсный характер высокотехнологичной войны, опирающейся на оружие завтрашнего дня, парадоксальным образом возвращает значение психической составляющей, вроде бы изгоняемой из войны с помощью технологии. В свое время атомная бомба сломала самурайский дух камикадзе как раз тем, что оказалась вынесенной за скобки волевого столкновения. С одной стороны, ни воюющий солдат, видящий противника только на дисплеях и приборной доске, ни общественность, также отвлекаемая от собственно человеческой составляющей военных действий демонстрацией совершенства военно-технической мощи, оказываются по ту сторону всяких гуманоидных измерений войны: автоматизм, серийность действий заставляют забывать о человеческой личности, судьбе. В то же время скачущие котировки военно-технических фьючерсов заражают игроков азартом. Биржевая игра – сильное испытание для нервов. Война уже на другом уровне становится делом настроения, отчасти формируемого, отчасти определяемого событиями. Политик, ведущий войну, оказывается в таком случае крайне уязвимым, если его фьючерсная стратегия обнаруживает несостоятельность, то есть оружие завтрашнего дня не срабатывает. Фьючерсная война – война со множеством маклеров, каждый из которых ведет свою игру.

XI

Поскольку оружие завтрашнего дня – это прежде всего оружие страха, то грань между терроризмом и «нормальной» войной оказывается проницаемой. В этом смысле обоюдные обвинения в терроризме напоминают старую советскую шутку: «у нас шпионов нет, у нас только разведчики». Каждая сторона обвиняет в терроризме другую, и в каком-то смысле каждая оказывается правой. Однако одно существенное отличие «большой» современной войны, даже ведущейся согласно законам стратегии страха, и собственно терроризма все же существует. Оружие завтрашнего дня в «большой» войне вполне может быть известно заранее – именно на предсказуемой мощи этого оружия и основана стратегия устрашения в этом случае. Собственно терроризм держит свое завтрашнее оружие в секрете: потенциальные жертвы терроризма не знают, когда, где их может настичь атака, и какого рода оружие при этом будет использовано. Больше того, поскольку современная цивилизация чрезвычайно уязвима во множестве своих составляющих и нарушение ее нормального функционирования таит в себе множество опасностей для окружающих, оружием завтрашнего дня для современного террориста может стать практически что угодно. Понятие тотальной войны получает новое измерение. Если оружие завтрашнего дня в большой войне разрабатывается для разрушения структур жизнеобеспечения общества, то «малое», террористическое оружие внедряется, подобно вирусу, в сами эти структуры и заставляет их работать на себя. Действенных средств против вирусов на данный момент не существует – разве что сам организм оказывается в состоянии справиться с ними.